

МАХМУТОВА
Алсу Нигматьяновна

**ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2002

Диссертация выполнена на кафедре русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета

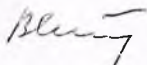
- Научный руководитель** — доктор филологических наук,
профессор **А.А.Аминова**
- Научный консультант** — кандидат филологических наук,
доцент **Г.А.Багаутдинова**
- Официальные оппоненты** — доктор филологических наук,
профессор **Е.Ф.Арсентьева**
кандидат филологических наук,
доцент **А.П.Алексеева**
- Ведущая организация** — Казанский государственный
педагогический университет

Защита состоится «8» мая 2002 года в 9 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Казанском государственном университете (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, филологический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке м.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «6» апреля 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
кандидат филологических наук,
доцент

В.С.Дмитриева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Процесс антропологизации знаний, который в конце XX века затронул практически все сферы научного познания, выразился в стремлении выйти за рамки структурного подхода к изучаемым явлениям и попытке осмыслить их через призму человека. В лингвистике названная тенденция проявилась в изучении языка во взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением и духовной деятельностью в целом. Этот взгляд на язык со стороны наук о человеке и его мире послужил новым источником познания человека, системы его верований, предрассудков, традиций, а также способствовал возникновению и развитию целого ряда междисциплинарных научных направлений (социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, лингвопраксеология), в том числе принципиально новому – гендерной лингвистики. Выполненное в русле лингвокультурологии реферируемое диссертационное исследование отражает проблему взаимосвязи языка и гендера.

Одним из факторов формирования социокультурной ситуации в обществе является гендер, который определяет одни черты как женственные, другие как мужественные (маскулинные), и развитие человека в члена общества и социокультурной среды не в последнюю очередь происходит посредством усвоения гендерных норм и знаний. Закрепленные в социальном менталитете эталоны женственности и стереотипы женского поведения (равно как и «мужских» стереотипов), их социокультурная оценка определяют специфику и своеобразие гендерной культуры. Будучи заложенными в социоментальной картине мира, гендерные представления находят отражение в языке народа.

Интерес к детерминантам гендерного сознания со стороны социальных наук обуславливает необходимость соответствующих исследований в лингвистике. В любую эпоху и в любом обществе отношение к женщине, отраженное в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Полное и системное исследование гендерной картины мира, под которой в данной работе, вслед за Н.А. Нечаевой (1997), понимается упорядоченная, относительно устойчивая и непротиворечивая, внутренне связанная и структурированная совокупность, существующих в обыденном сознании, ценностей, устано-

вок, идеалов, отражающих социокультурную дифференциацию пола, возможно лишь путем постепенного и последовательного изучения ее фрагментов.

Актуальность темы исследования определяется слабой изученностью гендерных ценностей, составляющих важную часть социоментальной картины мира, в частности концепта *женщина*, имеющего в разных языках различные способы языкового выражения. Сопоставительное изучение оценочной семантики наименований женщин в контексте гендерной культуры позволяет выявить и описать существующие в конкретном социуме критерии фемининности, а также определить роль и место концепта *женщина* в системе гендерных ценностей русского и английского социумов.

Степень разработанности темы. Проблема дифференциации пола и асимметрия названных взаимоотношений издавна вызывала интерес как зарубежных (Аристотель, Филон Александрийский, Ибн Араби, Ж.Ж.Руссо, А. Франсуа де Сад, И.Кант, Гегель, А.Шопенгауэр, К.Маркс, З.Фрейд и др.), так и отечественных исследователей (Вл.Соловьев, В.Розанов, С.Булгаков, Н.Бердяев, Л. Красавин, З.Гиппиус), принадлежавших к различным мировоззренческим направлениям. Каждое из учений предлагало свой способ разделения людей по признакам половой принадлежности, свой набор отличительных черт. Однако если до относительно недавнего времени гендерная составляющая существовала и осознавалась в виде «горизонтального» (и в этом смысле второстепенного) параметра традиционных социальных расслоений и измерений, то в настоящее время гендер, по справедливому замечанию А.А.Клецина (Клецин, 1997) вместе и одновременно с возрастной составляющей начинает претендовать на статус «вертикального».

Экспансия гендерных исследований затронула также и сферу языкознания, о чем свидетельствуют целый ряд социолингвистических исследований последних лет, которые рассматривают взаимодействие языка и культуры в гендерном аспекте (Lakoff, 1973; Nair, 1992; Wodak, Kedar, 1992; Hastert, Weber, 1992; Кирилина, 1997, 1998, 1999; Гусейнова, Томская, 2000 и др). Взаимосвязь пола и языка впервые стала объектом изучения в античности при осмыслении категории грамматического рода, которая базировалась на символично-семантической гипотезе, объясняющей возникновение граммати-

ческой категории *genus* под влиянием природной, биологической категории *sexus* (Royer, 1925; Jamatowskaja, 1968). Открытие в XXVII веке неизвестных деселе языков, обладающих различными женскими и мужскими вариантами, способствовало росту интереса к гендерному фактору в языке (Jespersen, 1925).

Зарождение «гендерного» направления в лингвистике во второй половине XX века связывается с именем американского ученого Р. Лакоффа, указавшего на специфику женского речевого поведения, которое вызывает в культурном американском контексте восприятие женщины как беспомощного (*powerless*), слабого существа (Lakoff, 1973).

В литературе отмечается, что негативные характеристики женщины встречаются также в текстовых фрагментах, рассказывающих о женщине, где контекст имплицитно доминирует «патриархального мира» (Hastert, Weber, 1992). Так, проведенный Р.Б.Найром гендерно лингвистический анализ брачных объявлений позволил заключить, что социокультурная дифференциация пола закодирована в самом языке лингвокультурного сообщества (Nair, 1992).

В рамках контекстуальной стилистики (*contextual stylistics*) рассматриваются способы функционирования «сексистского дискурса» (*sexist discourse*), создающего и поддерживающего асимметрию властных (*power*) отношений в обществе. Данное направление представлено работами Вудока и Кедепа (Wodak, Kedar, 1992). Фреймы маскулинности (*masculinity*) и фемининности (*femininity*) выделяются в теории фреймов; они, по мнению М.П.Хастерта и Дж.Дж.Вебера (Hastert, Weber, 1992), способны расширяться до контекстуальных пропозиций («патриархальный фрейм фемининности» и «фемининный фрейм маскулинности»), «патриархальный фрейм фемининности» предполагает, что женщина обладает «меньшей значимостью» (*inferior*), по сравнению с мужчиной.

В отечественной науке также отмечается рост публикаций, посвященных различным аспектам гендерной проблематики. Возрастает стремление исследователей описать отечественную гендерную культуру, выявить закономерности ее функционирования, реконструировать ее близкое и отдаленное прошлое, понять настоящее.

В новейших исследованиях по проблемам «язык-гендер-культура» ставятся такие вопросы, как языковая и социокультурная дифференциация пола, существование

сходств и различий в доминантах гендерного сознания у носителей различных языков, социально-этнические нормы, формирующие гендерные представления, ценности и установки в социоментальной картине мира. Что касается самого термина “гендер”, то надо отметить, что он не имеет в русском языке адекватного эквивалента; его написание и произношение скалькировано с английского языка. Вместе с тем приходится констатировать, что попытки заполнить лакуны, существующие в знаниях по данным проблемам, предпринимаются в основном в социологических исследованиях, а в отечественной лингвистике подобные исследования единичны. Так, гендерные стереотипы в русской паремиологии рассматриваются в работе А.В. Кирилиной (1997). Попытка воссоздания национального образа женской внешности в русской культуре по данным языка предпринята в монографии В.М. Богуславского (1994). Лингвистический анализ базовых концептов культуры «Мужчина/Женщина» в свете гендерного подхода проведен Д.Ч. Малишевской (2000). Концепт “женщина” в русской фразеологии получили освещение в работе В.Н. Телия (1996). Эмотивно-оценочной объективации концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц русского и английского языков посвящено исследование А.В. Артемовой (2000). Система наименований женщины в русском языке XXVIII века явилась объектом изучения В.В. Демичевой (1999).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые сопоставление русских и английских существительных со значением лица женского пола осуществлено в гендерном освещении с использованием системного и функционального анализа; проведен комплексный анализ семантики, оценочности и характера функционирования имен лиц женского пола в сопоставляемых языках; определен круг сочетаемости ядерных существительных; коннотативные признаки данной группы слов сопоставлены в типологически разных языках; реконструированы критерии эталона женственности, нашедшие отражение в семантике оценочных наименований лица женского пола при вербализации эмоционально-оценочного восприятия женщины в сопоставляемых лингвокультурах. В семантике ядерных существительных в английском и русском языках выявлено преобладание различных аксиологических доминант, характеризующих состояние «быть женщиной», что обусловило специфику их сочетаемостных возможностей с именами

прилагательными, которые опосредованно отражают различие в оценке женщины. Соединение системного и сопоставительного методов описания лексики позволило выявить в семантике английских и русских имен женщины зон взаимного непересечения содержания, закономерно ведущих к возникновению смысловых лагун и подчеркивающих особенности языкового видения мира.

Объектом исследования, систематизации, моделирования внутрисистемных отношений являются русские и английские существительные, номинирующие женщину.

Предмет исследования – оценочная семантика существительных со значением ‘лицо женского пола’ в русском и английском языках.

Целью данной работы является анализ оценочной семантики наименований лиц женского пола в русском и английском языках, выявление универсальных и национально-специфических признаков в системе наименований лиц женского пола, определяющих специфику и своеобразие женского гендера в обеих культурах. Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- разработка тематической классификация собственно-оценочных лексем с последующим распределением в ЛСГ, подгруппы, синонимические ряды;
- выделение и систематизация существительных со значением ЛЖП в русском и английском языках по признаку наличия/отсутствия аксиологической характеристики в словарном толковании;
- экспликация коннотативных аксиологических смыслов, реализуемых нейтрально-оценочными словами в контексте;
- определение критериев женственности, зафиксированных в языковой картине мира русского и английского языков;
- выявление общих и специфических особенностей номинации на лексемном уровне и их функционирования;
- установление эквивалентов в русских и английских наименованиях лиц женского пола.

Методологической базой диссертационной работы, находящейся на стыке интересов ряда филологических дисциплин (гендерологии, лингвокультурологии, сопоставитель-

ной лингвистики) стал комплексный подход к анализу семантики и оценочности наименований лиц женского пола в русском и английском языках, определивший использование конкретных методов: описательного при первичном отборе и классификации материала; компонентного анализа, предполагающего разложение значения на семантические составляющие, дополненного элементами дистрибутивного и контекстуального анализа; сопоставительного при установлении англо-русских параллелей.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении теории и методологической базы культурологической и гендерной лингвистики; сопоставительном описании гендерных стереотипов, ценностей и установок в русско- и англоязычном социумах. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке и реконструкции гендерных картин мира у разных народов.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов исследования в теоретических курсах по сопоставительному языкознанию, лексикологии русского языка, лексикологии английского языка, лексикографии (значения многих существительных конкретизированы и дополнены с помощью контекстологического анализа собранной нами картотеки), теории и практики перевода, спецкурсах по лингвокультурологическим и гендерным аспектам лингвистики.

Материалом исследования послужили данные картотеки, составленной методом сплошной выборки из толковых русских и английских словарей («Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А.Кузнецова и др.; «Longman Dictionary of Contemporary English», «New Webster's Dictionary of English Language», «Oxford Paperback Dictionary and Thesaurus» и др.), и примеров, извлеченных из текстов произведений русской и английской классической и современной художественной литературы, публицистики и периодики.

В работе также использовались сведения экстралингвистического характера, так называемые «фоновые знания», помогающие постижению «историко-культурной самобытности народа, языку которого принадлежит рассматриваемое слово» (Верещагин, Костомаров, 1980).

Структура диссертации определяется логикой исследования в соответствии с поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, списка литературы, перечня источников и списка принятых в работе сокращений. Имеется приложение в виде словарных русско-английских соответствий.

Во **введении** обосновывается актуальность темы работы, определяются ее научная новизна и практическая значимость, формулируются цели и задачи исследования, характеризуются методология и конкретные методы, используемые при анализе.

В **первой главе** «Категория оценки и ее лингвистический статус» дается поаспектный обзор имеющихся в научной литературе исследований, рассматривающих проблему языкового статуса категории оценки и способов ее выражения.

Во **второй главе** «Оценочные наименования женщины в русском языке» анализируются и систематизируются существительные со значением лица женского пола; выявляются коннотативные аксиологические смыслы, реализуемых нейтрально-оценочными словами в контексте; разрабатывается тематическая классификация собственно-оценочных лексем, охватывающая весь спектр положительных и отрицательных оценок внешности, внутренних качеств и поведения женщины в русском языке; определяются критерии женственности, зафиксированные в языковой картине мира.

Третья глава «Оценочные наименования женщины в английском языке» посвящена рассмотрению существительных с значением лица женского пола в английском языке.

В **заключении** обобщаются результаты исследования.

Апробация работы Основные идеи, содержащиеся в работе, были представлены на международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина «А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков» (Казань, 1998); республиканской научной конференции «Язык и методика его преподавания» (Казань, 1999); итоговых научных конференциях Казанского государственного университета в 1998-2001 годах, на лингвистических семинарах кафедры английского языка и русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка как «когнитивный феномен» (Дейк, 1989) является предметом рассмотрения смежных с языкознанием наук, в каждой из которых освещается определенный аспект данной категории: логика оценок и норм (Ивин, 1970), философия ценности и оценок (Брожик, 1980), психология эмоций, мотивов и потребностей (Леонтьев, 1984, Анохин, 1984), гносеологическая природа ценностей (Брудный, 1977), ценности в культурологии (Макарян, Гачев, 1996, 1998), социологии (Поппер, 1948), этические концепции оценок, норм и ценностей (Ермолаева, 1968), эстетические идеалы и функции культуры (Калинкин, 1983, Савранский, 1979) и т.д.

Категория оценки достаточно полно описана в отечественной и зарубежной лингвистике в логико-философском освещении, где сформулированы проблемы оценочных значений, оценочных высказываний, специфика их функционирования и способы выражения в языке и тексте (Вольф 1985, Арутюнова 1983, 1984, 1988, 1999, Крейдлин 1993, Хаэр 1967, 1985, Стивенсон 1944, 1964, 1985 и др.).

Вопросы аксиологической категоризации мира и особенности отражения данного процесса в языковой картине мира, реконструкции ценностной картины мира в ее национальных вариантах по данным языка разрабатываются в рамках гносеологического подхода (Коршунов, 1977, Руденко, 1990, Богуславский, 1994, Вендина, 1998, Дейк, 1989, Берестнев, 1999, Урысон, 2000 и др.).

Психологические основы языковой оценки рассматриваются в работах Г.Х. Шингарова, Е.Ю.Артемовой, В.Ф. Петренко, П.В. Симонова, С.Х. Раппопорта, В.Г. Гака, О.Лещака, Е.Ю. Мягковой, В.И. Шаховского, М.В. Ляпон и др.

Оценка как социокультурная категория, отражающая исторически сложившееся, социально закрепленное, типизированное отношение членов языкового коллектива к определяемым словами понятиям, освещается в социолингвистических и культурологических исследованиях (Иванов, 1988, Ретунская, 1989, 1996, Бабаева, 1997 и др.). Взаимосвязь оценочной лексики с культурой того или иного этноса в русле этнопсихолингвистики нашла отражение в трудах В.И. Жельвиса (1976, 1990).

Перспективной и интересной представляется разработка связи категории языковой оценки с гендерными представлениями определенной нации в рамках лингвокультурологии, поскольку гендерные ценности в культуре любого этноса имеют свои специфические особенности. Концепты *мужчина* и *женщина* универсальны в силу их представленности практически во всех языках, но в то же время они обладают разнообразными «культурными коннотациями» (Телия, 2000), имеют у носителей той или иной лингвокультурной общности определенную этическую и эстетическую ценность. В рамках лингвокультурологии оценочные наименования женщин рассматриваются как феномен гендерной культуры, способствующий формированию национального языкового концепта *женщина*.

Связь оценки с лексическим значением слова характеризуется специальной лингвистической категорией – оценочностью слова. Систематизация оценочных значений и методы их выделения в словаре представлены в работах Е.Ф. Петрищевой (1984), Э.А. Столяровой (1988), Т.В. Маркеловой (1995), С.А. Воропаевой (2001) и др.

Оценочность как один из важнейших компонентов коннотации изучается многими исследователями с позиций лексикологии (В.Н.Телия, И.В.Арнольд, Н.А.Лукиянова, В.К.Харченко, Л.П.Крысин и др.) и лексикографии (Ю.Д. Апресян, Г.Н. Скляревская, С.С.Хидекель, Г.Г.Кошель и др.). В реферируемой работе оценочный компонент слова понимается как элемент, полученный в результате отражения в лексической единице ценностной квалификации денотата (т.е. предмета или явления, о котором сообщает данное слово), который входит в корпус основных и коннотативных признаков лексического значения.

Оценочный компонент может занимать различное положение в структуре значения слова, входить в число основных или второстепенных, эксплицитных или скрытых значимых элементов, может быть актуализован в речи, а может остаться нереализованным в зависимости от цели употребления языкового знака.

В типологическом плане на языковом уровне можно выделить следующие виды оценочности: 1) знаковую /семиотическую/; 2) когнитивную /содержательную/; 3) референтивную /формальную/.

Знаковая оценочность свойственна всем лексическим единицам, реально функционирующим в языке в виде языковых знаков и, как правило, определяется их системными характеристиками (В.М.Богуславский, Т.И.Вендина).

Аксиологическая информация, имеющая категориальный характер, т.е. относящаяся непосредственно к осмыслению объекта номинации, определяется как когнитивная оценочность языкового знака (О.Лещак). Можно выделить объективные и субъективные причины, ведущие к появлению оценочного значения. К объективным причинам относят: влияние общественно-политических, экономических, юридических и других факторов на жизнь общества. Субъективные причины обуславливаются национальной психологией, складом характера, привычками, сопутствующей идеологией, спецификой национальной картины мира. Так, к примеру, в предложении «Волосы вам следует выпрямить и обесцветить, и вы станете *изумительной блондинкой*» (И.Беленький) лексема *блондинка* приобретает положительную оценку, т.к. приписываемый признак *изумительный* подчеркивает, что светлый цвет волос у лица женского пола носителями русского языка воспринимается положительно и соответствует эталону женской красоты. Ср., также: *белокурая красавица*, но не **черноволосая красавица* (хотя и *черноокая красавица*).

Референтивная оценочность носит вторичный, некатегориальный характер, т.е. относится не к осмыслению объекта номинации, а лишь к способу его представления и, соответственно, соотносится с планом выражения.

Существительные, оценочные оттенки значения которых «отстоялись», фиксируются словарями, приспособляются к выполнению предикатной функции. Оценочные смыслы в данной позиции индуцируются с помощью различных средств: интенсификаторов, артиклей, градуирующих определений, восклицательной интонации. Валентная оценочность (языковая структура $A + N$, где A - качественное прилагательное в функции определения к N - имени существительному, называющему лицо женского пола) позволяет актуализировать оценочную коннотацию, существующую в потенции языкового знака, опираясь на знания номинативного и идеологического порядка. Идея о се-

мантической совместимости слов в словосочетании с точки зрения *смысла* сочетания. представлена в ряде работ, в частности, В.Г. Гака, Н.А. Шехтмана, Г.В. Вилюмана.

В зависимости от представленности аксиологических характеристик в словарном толковании автором данной диссертации были разграничены нейтрально-оценочные и собственно-оценочные лексемы со значением лица женского пола.

В первую группу вошли существительные, специально не предназначенные для оценочной квалификации лица женского пола, но осуществляющие ее в контексте, на пример ср.: *красавица – женщина* и *Она – настоящая женщина!* Данную группу составляют: 1) существительные с общим значением «женщина»: *женщина, баба, дама, woman, lady* и др.; 2) существительные, номинирующие лицо женского пола по возрастному периоду: *девочка, старуха; girl, woman*; 3) существительные, номинирующие лицо женского пола по цвету лица, волос, кожи и глаз: *блондинка, черноглазка, черновловка, смуглянка; blonde, brunette*.

Вторую группу представляют существительные, содержащие квалифицирующие признаки при наименовании лица женского пола. Среди них выделяются: 1) существительные, характеризующие лицо женского пола по аспектам 'внешность' и 'внешний вид': *красавица, уродка; распустеха, франтиха; beauty, cutie*; 2) существительные, характеризующие лицо женского пола по аспектам 'внутренние качества' и 'поведение': *гордячка, фурия, мегера, battleaxe, fury*.

Различия в значениях у слов, соотносительных в разных функциональных стилях пространстве одного языка и в значениях коррелирующих слов разных языков, открывают доступ в различные «ментальные миры» (Степанов, 1997) и «культурные коды» (Телия, 2000). Так, двум русским словам *женщина* и *баба* соответствует в английском языке одно – *woman*. При этом русское *баба* имеет особую сочетаемость, раскрывающую специфику его значения, – *крепкая баба, здоровая баба, большая баба, русская баба* и т.д. Своеобразие сочетаемости слова свидетельствует о том, что в русской народной культуре, в частности в крестьянской среде, большой размер туловища (иногда слегка гипертрофированный) у женщины рассматривается как наличие физической силы, крепкого здоровья.

Таким образом, существительное *баба*, будучи именем с идентифицирующей семантикой, обозначает денотат ('женщина из простого народа'), с которым связан комплекс культурно-исторических ассоциаций. В этом смысле сам денотат является уникальным и культурно маркированным. С другой стороны, лексема отсылает к концепту, играющему важную роль в русском быту, в мужском мире, что позволяет говорить и о культурной специфике слова, как факта русской культуры, ср. также: «В русском народном лексиконе нет слова *женщина*, а есть *баба* или *девка*... Вся Россия, сверху до низу, не знала другой женщины, кроме *бабы*» (Н.В. Щелгунов).

В текстах дворянского культурного самосознания, а также в среде интеллигенции при концептуализации социально маркированной константы *баба* явно прослеживается фокусировка негативных признаков (неопрятность, вульгарность, вздорность, полнота), например: "Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее и были по большей части недовольны. Они видели в ней *толстую бабу*, одетую не по летам" (Пушкин. Рославлев).

В постсоциалистическом культурном пространстве мысли *баба* предстает как «идиологема» соцреализма, что также обуславливает коннотативную отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску слова. В основе подобной оценки лежат социально-психологические, стереотипизированные представления о русской женщине в эпоху социализма, например: «Диор всего за «четвертной» делал из *бабы* *ЖЕНЩИНУ!* Боже мой, мы давились в очередях за «Диориссимо», «Диорессаном» и «Диореллой»! 25 рублей - и от тебя пахнет Парижем: неведомым, но неумолимо диктующим миру, какой должна быть *истинная женщина*» (Комсомольская правда / 21.01. 2000.с.22).

В мужской речи коннотативная семантика лексемы *баба* обнаруживает как ряд положительных, например, 'строптивость', 'храбрость', 'бойкость', 'хорошая хозяйка', 'объект чувственных наслаждений', так и ряд отрицательных признаков – 'глупость', 'эмоциональная неустойчивость, слабость, трусливость', 'незначительность', например «А тебя я сравнивал с ним не в умаление, а в похвалу, потому что как ты мне ни предана, как ни рассудительна, *а все ж баба*» (Гейнце. Аракчеев). Основанием подобной коннотации выступают стереотипизированные мужские представления об эталоне женственности, о роле, месте и значимости женщины в социуме. Положительную эмоционально-

оценочную коннотацию – «привлекательная, как сексуальный объект», реализует также лексемы *бабенка, дамочка (соблазнительная бабенка, аппетитная бабенка, пикантная дамочка)*. Рассмотренные признаки слов остаются невоспроизведенными на системном уровне и проявляются только в контексте.

Стереотипные представления о женщине в аристократическом культурном коде, который формировался под влиянием французской культуры, группируются вокруг лексемы *дама* (заимствованной из французского языка), например: «В основном все женщины оказались приятные, вежливые; много *аристократических дам*, державшихся мужественно и просто» (Головкина. Победенные).

В советский период развития русского общества *дама* получает отрицательную коннотацию, актуализируя такие признаки, как холодность, высокомерность, равнодушие и т.д. Оценочный знак отражает доминирующую идеологию в конкретный период развития русского общества (отношение к различным социальным классам и группам), в которой преломляются стереотипные образы женщины, соотносимые с ее социальным положением, например: «Эта высокая черноволосая женщина <...>, лицом и статью очень напоминающая *какую-нибудь обкомовскую даму*, только без того холодного безразличия в очах, которое отличает этот тип женщин» (Балашов. Приднестровский дневник).

Отраженные в лексемах культурно значимые аксиологические смыслы – социоментальные представления о женщине и женственности – наиболее ярко проявляют себя в валентностных семах слова ср.: *крепкая баба* (оценка «хорошо»), но не **крепкая дама*; *величественная дама* (оценка «хорошо») но не * *величественная баба*; *видная баба* (+) *видная женщина* (+) и *видная дама* (+).

Таким образом, специфика существительных первой группы заключается в том, что они служат не только для целей идентификации, а также реализуют предикативную функцию и служат для эмоционально-оценочной характеристики поведения, внутренних качеств и внешности лица женского пола.

Как отмечалось выше, оценочно-квалификативные наименования в основной массе состоят из слов, значения которых содержат аксиологические признаки, т.е. представ-

ляющие актуальность при формировании эталонных представлений о женщине. Тематическая классификация собственно-оценочных имен позволила определить доминантные рубрики, участвующие также в создании женского гендера в рассматриваемых языках. Установлено, что качественная характеристика наиболее ярко проявляет себя при восприятии внешности, манер, поведения, свойств личности лица женского пола. Рубрики внутри ЛСГ «внешность женщины» показывают, что доминантными семантическими областями в русском и английском языках являются:

- фигура – актуальными для оценки становятся ее параметрические данные, такие, как рост, объем тела, пропорциональность, физические размеры телосложения; английским языковым сознанием выделяется также аспект «формы тела»;
- походка и телодвижения – их скорость и равномерность перемещения тела в пространстве, соотносимые с представлениями о ловкости, легкости, плавности или грузности, неповоротливости (следует отметить, что данный аспект имеет семантическую представленность лишь в языковой картине мира носителей русского языка);
- одежда – ее внешний вид, состояние, соответствие моде и социальной обстановке;
- лицо – детали лица, форма, выражение;
- эмоции, порождаемые у субъекта оценки в результате восприятия объекта.

Компонентный анализ лексических единиц с положительно-оценочным значением позволил установить, что признаками, определяющими эталон женской внешности в русском лингвосознании являются: “красивая, привлекательная внешность” (*красавица, краля, чаровница*) – 25; “красивая, модная и нарядная одежда” (*куколка, модница, франтиха*) – 5; “величественный вид” (*богиня, пава, царица*) – 5; “свежесть, здоровый, цветущий вид” (*буточник, розанчик, гурия, ягодка*) – 5; “способность вызвать симпатию, расположение” (*милашка, очаровашка, милочка, ангелочек, лапочка*) – 5; “способность произвести сильное положительное эмоционально – эстетическое воздействие” (*чаровница, очаровательница, прелестница, обольстительница*) – 4; обольстительность” (*обольстительница, соблазнительница, сирена, зелье*) – 4; “пышнотелость” (*пышка, пышечка*) – 2; “горделивая осанка и плавная походка” (*пава*) – 1; “физическая сила, крепость” (*богатырка*)-1.

В английском языковом сознании выделяются такие признаки, как: "красивая, привлекательная внешность" (*beauty, belle, crumpet, dish, good – looker*) ~ 40; "приятная внешность, миловидность" (*babe, baby, doll, dolly, rosebud*) – 5; "сексуальная привлекательность" (*fox, enchantress, femme – fatale, pin – up*) ~ 10; "очень красивая, чувственно привлекательная внешность, способная произвести большое эмоциональное воздействие" (*siren, vamp, vampire, witch, femme – fatale, enchantress*) – 6; "внешне выраженные признаки чувственной, страстной натуры" (*sexkitten, sexpot, red – hot mamma, hot pants*) ~ 10; "красивая одежда" (*doll, dolly, dollybird*) – 3; "хорошо развитые, округлые женские формы" (*crumpet, pin – up, armful*) – 3; "величественность" (*juno, dowager*) – 2; "грациозность" (*juno, sylph*) – 2; "высокий рост" (*juno*) – 1; "стройность, хрупкость" (*sylph*) – 1; "внушительные размеры тела" (*juno*) – 1; "воспитанные манеры" (*lady*) – 1.

К отрицательным характеристикам женской внешности в русском языке относятся: "чрезмерная полнота, тяжеловестность" (*бабища, бомба, кувалда*) – 11; "безобразный вид, внешняя непривлекательность" (*дурнушка, чувырла, уродка*) – 6; "неуклюжесть, неоворотливость" (*гусыня, корова, фефела*) – 6; "неопрятность" (*кутафья, распустеха, кикимора*) – 4; "чрезмерная худоба" (*худышка, хлячка, вобла, выдра, шкурка*) – 5; "низкорослость" (*тигалица*) – 2; "тяжелая походка" (*бомба, бомбовоз*) – 2; "угрюмое или унылое выражение лица" (*мымра*) – 1. В английском языке негативную оценку вызывают: "некрасивая, безобразная внешность" (*beldame, bow-wow, cow, crone, dog, frump*) – 14; "неухоженный, неприятный внешний вид" (*bag, dowdy, drab, frow, frump, slattern, slut, trollop*) – 8; "чрезмерно крупное телосложение; мужеподобность" (*amazon, bull-bitch, virago*) – 3; "старая, поношенная и/или старомодная одежда" (*dowdy, frump*) – 2; "чрезмерная полнота; толстота" (*cow, pig*) – 2; "сердитое выражение лица" (*gorgon*) – 1.

Приведенный список критериев «женской привлекательности» и «непривлекательности» позволяет выделить приоритетные и вторичные мелиоративные и пейоративные зоны для обоих языков, а также случаи симметрии, частичной и полной асимметрии понятийных зон. Так, к примеру, в лингвосознании двух культур наиболее номинативно насыщенной областью выступает зона «женская красота»; хотя степень насыщенности лексем в английском языке значительно выше, чем в русском языке.

Характерно, что в русском языке отсутствуют собственные наименования лиц женского пола по признакам «сексуальная привлекательность» и «страстность». Существование подобной лакунарной области для русского языкового сознания во многом объясняется экстралингвистическим фактором: русская культурная традиция, сформированная в рамках христианской морали и домостроя, в большинстве случаев половые отношения ассоциировала с грехом. Скорее всего, именно поэтому сексуальный аспект в оценке женской красоты не получил соответствующего освещения в лингвосознании носителей русского языка. Однако ценностная картина мира и вместе с ней и оценки с течением времени могут меняться. Так, в русскую разговорную речь последнего десятилетия вошли и активно употребляются лексемы английского происхождения – *секс-пилка*, *секс-бомба*, *секс-символ*, используемые для наименования женщин, обладающих ярко выраженной чувственностью, привлекательностью для лиц мужского пола.

Семантическая зона «внутренние качества женщины» в обоих языках представлена лексемами, фиксирующими отклонение от принятых норм нравственного поведения. Распределение оценочно-квалификативных наименований русского и английского языков по данной понятийной зоне свидетельствует о значительном сходстве членения семантического пространства лексическими средствами обоих языков. Так, в качестве аспекта наименования в сопоставляемых языках выделяются:

- свойства личности как уживчивость, эмоциональная устойчивость;
- приверженность к определенному образу жизни;
- взаимодействие с окружающими – отношение к людям, проявление определенных форм поведения;
- манеры и культура поведения;
- общая культура – интеллектуальное развитие и образованность, интересы.

В обоих языках наиболее отрицательными для женщины считаются такие качества как аморальность и половая распущенность: русск. *блудница*, *потаскуха*; англ. *tart*, *whore*; злость: русск. *ведьма*, *гадюка*; англ. *hag*, *tabby*; сварливость: русск. *мегера*, *бесовка*; англ. *termagnt*, *grimalkin*; грубость: русск. *варварка*, *мужичка*; англ. *scold*,

fishwife; легкомыслие, непостоянство: русск. *вертушка*, *вертихвостка*; англ. *flibbetigibet*, *light-o'-love*.

Компонентный анализ позволил установить, что признаками, указывающими на несоответствие эталону женского поведения и “личностного профиля”, в русском лингвосознании являются: проявление грубости, наглости и нахальства в поведении: *хабалка*, *халда*, *мужичка*, *варварка*, *грубиянка*, *нахалка*; распущенность, безнравственное поведение: *бестыдница*, *беспутница*, *негодница*, *рапутница*, *развратница*, *блудница*, *потаскуха*, *потаскушка*, *потаскунья*, *девка*, *шлюха*, *шалава*, *гетера*, *кокотка*, *грязетка*, *куртизанка*; крикливость: *кликуша*; легкомысленную, ветреную пустую и кокетливую женщину. *ветреница*, *ветрогонка*, *вертихвостка*, *вертушка*, *вертячка*, *шилохвостка*, *кукла*, *кокетка*, *фифа*; женщина, ведущая себя неестественно: *жеманница*, *каботинка*; заносчивая, важничающая женщина: *гордячка*; недоброжелательная, неприязненно настроенная по отношению к окружающим; враждебное настроение, склонность к ссорам, перебранкам: *ведьма*, *гадюка*, *мегера*, *фурия*, *баба* - *яга*, *бесовка*; тогда как в английском языковом сознании это - злость, недоброжелательность: *bitch*, *cat*, *dragon*, *fury*, *hag*, *harp*y, *harridan*, *hellcat*, *shrew*, *tabby*, *tigress*, *virago*, *witch*; отсутствие или слабая эмоциональная устойчивость: *battle - axe*, *bitch*, *dragon*, *harp*y, *harridan*, *hellcat*, *jade*, *spitfire*, *shrew*, *termagant*, *virago*, *vixen*, *wildcat*; злость, жестокость: *battle - axe*, *dragon*, *bitch*, *hellcat*, *harp*y, *harridan*, *shrew*, *virago*; склонность к конфликтам и/или частое инициирование конфликтных ситуаций: *battle - axe*, *shrew*, *termagant*, *vixen*, *virago*; повышенная раздражительность, вспыльчивость: *hellcat*, *spitfire*, *shrew*, *wildcat*; отсутствие способности контролировать себя, сильная степень беспокойства: *termagant*, *virago*, *vixen*, *wildcat*; крикливость, создание шума: *termagant*, *shrew*, *virago*, *vixen*; непристойная речь: *shrew*; громкий голос: *virago*.

Анализ оценочного компонента в структуре значения слов, входящих в ЛСГ “красота”, позволил установить, что в русском языке наиболее ярко проявляют себя предикаты, содержащие интеллектуально-логический (17 ЛЕ) и эмоциональный (14 ЛЕ) компоненты. Спецификой английского языка является значительное преобладание слов с эмоциональным компонентом (30::7). В обоих сопоставляемых языках наименее ярко

представлены существительные с эмоционально-логическим компонентом (6 ЛЕ в русском языке и 4 ЛЕ в английском языке).

Учет функционально-стилистической маркированности лексем, входящих в данную ЛСГ выявил, что эмоциональный компонент наиболее ярко проявляется в разговорно-сниженном стиле русского (*милаха, очаровашка, ангелок*) и английского (*dish, crumpet*) языков. В русском языке интеллектуально-логический компонент усиливается в словах, относящихся к фольклорной и традиционной поэзии (*краса, красота, красавица, грация* и т.д.), тогда как в английском языке он представлен в словах, принадлежащих к различным функционально-стилистическим сферам, например *beauty, belle* – стилист.-нейтр., *lovely, good-looker* – разг., *peri, venus* – поэт.

В результате анализа аксиологических характеристик, определяющих словарные толкования лексем, было установлено, что мотивы положительной оценки привлекательной внешности лица женского пола в различных социумах имеют разные основания. Так, к примеру, при оценке привлекательной женщины в русском языке имеют место: а) эмоциональные критерии: способность вызвать симпатию, расположение, оказать сильное эмоционально-психологическое воздействие. В словарных дефинициях эти критерии представлены прилагательными *милая (милашка, милаха), симпатичная (снегурочка), приятная (ангелок)* и т.д; б) этические: *зелье, сирена, фуфыра, фифа* и в) интеллектуальные: *кукла*. В значениях указанных слов положительная эстетическая оценка коррелирует с отрицательной моральной или интеллектуальной оценкой. Тогда как в английском языке наиболее частотными выступают: а) гедонистические мотивы: способность вызывать и оказывать чувственные наслаждения, удовольствие: *sexu, sexually attractive (enchantress, fox, babe)*; б) эмоциональные: приятная, очаровательная, способная привлечь внимание, интерес: *pretty, charming, attractive (cutie, rosebud, baby)*; в) утилитарные: опасная: *dangerous (siren, femme-fatale, gold-digger, vamp)*.

Для разговорного русского языка свойственно ослабление признака «красота» с интенсификацией психологических оценок или усиление эстетического признака в сочетании с отрицательной этической и интеллектуальной оценкой. Для традиционно-поэтической и книжной речи характерно усиление положительной эстетической оцен-

ки одновременно с положительной эмоциональной оценкой (*богиня, очаровательница, чаровница, царица*). В английском сленге положительная эстетическая оценка совмещается с положительной гедонистической оценкой или с положительной эмоциональной оценкой в разговорной речи.

Следовательно, при восприятии женской красоты в русском языковом сознании внешняя красота взаимосвязана с нравственным обликом объекта оценки, тогда как в сознании носителей англоязычной культуры восприятие женской красоты определяется субъектом оценки в рамках гедонизма (способность получить удовольствие) и рационализма (сохранение безопасности).

При сравнении русских и английских соответствий наименований лиц женского пола были обнаружены полные эквиваленты (преимущественно в сфере заимствований: *гартя, горгона, фурия, harpy, gorgon, fury*), частичные эквиваленты (абсолютное большинство: *дама и lady, распутеха и slut, кокетка и flirt*) и безэквивалентная лексика (*баба, молодка, мымра, wallflower, groupie*).

В целом результаты анализа оценочных наименований женщины привели к выводам, которые позволили выявить сходства и различия в лексическом составе субстантивов со значением лица женского пола в сопоставляемых языках. Так, было установлено, что исходные лексемы *баба, женщина, дама* обладают сложной семантической структурой при функционировании, высоко частотны и имеют большую значимость; являясь ключевыми словами культурного концепта «женщина» в русском языке, приобретают статус знаков культуры. Близкими по значимости к русским ключевым словам в английском языке являются существительные *woman* и *lady*. Для носителей английского языка отдельные существительные женского рода со значением лица (*баба, молодка, молодичка, молодушка* и т.п.) оказываются культурными лакунами. В формировании русской языковой картины мира играют большую роль возрастные характеристики женщины, отражая стереотипные представления и модели восприятия. Восприятие женского возраста носителями русского языка осуществляется под воздействием четырехчленной возрастной периодизации: детство (*девочка*) – юность (*девушка*) – зрелость (*женщина*) – старость (*старуха*), тогда как носителями английского языка женский возраст видит-

ся в противопоставлении: *childhood (girl)* – *maturity (woman)*. Для традиционно-народной же русской культуры, в частности в крестьянской, характерно различие пяти возрастных периодов (*пацанка* (разг.-обл) – *девка* – *молодка* – *баба* – *бабка*), тогда как аристократическая культура различает возраст женщины прежде всего по признаку «изменение семейного статуса» (*барышня-дама*). В сопоставляемых языках для лиц женского пола замечены особенности номинации отдельных участков возрастного континуума: *девочка* и *девушка* обозначаются одним словом *girl* и различаются на основе словосочетаний *little girl*, где *little* – маленькая; *young girl*, где *young* – молодая, а также *young woman* и *young lady*. *Старуха* обозначается двумя словосочетаниями *old woman* и *old lady*.

В русском языке, в особенности народно-разговорном стиле, наблюдается четкая выраженность признака «лицо», что связано с наличием достаточного количества лексем, называющих лицо женского пола по деталям лица: глаза (*синеглазка*, *черноглазка*), брови (*чернобровка*), овал лица (*круглоличка*), окраска кожи (*смуглянка*, *цыганка* (*перен.*), *белянка*, *чернушка*), волосы (*блондинка*, *шатенка*, *брюнетка*). В английском языке эксплицирована только семантика «цвет волос»: *blonde*, *brunette*, *redhead*. Интегральный признак «привлечение внимания» в русском языке реализуется преимущественно в дифференциальных признаках «способ привлечения внимания» (манеры, одежда, поведения) и «внутренние качества субъекта действия» (легкомыслие, непостоянство): *кокетка*, *фифа*, *вертушка*, *вертихвостка*. В английском языке ярче проявляют себя признаки «цель привлечения внимания» (деньги, подарки, интимная близость, удовлетворение тщеславия) и «способ привлечения» (поведение): *gold-digger*, *groupie*, *vamp*, *vampire*, *jezebel*. Семантическая структура оценочных субстантивов, характеризующих лицо женского пола по признаку «одежда» представлена рядами интегральных и дифференциальных признаков. Так, признак «одежда» реализуется в семах «состояние одежды» и «отношение к одежде». В сопоставляемых языках при отрицательной оценке состояния одежды, доминирующим является признак «неопрятность» (*распущетеха*, *шишига*; *bag*, *dowdy*). Спецификой большинства английских лексем является совмещение в семантике признаков «неопрятность» и «аморальность» (*slut*, *slattern*, *trollop*).

Признак «старомодная одежда» отмечен только в семантике английского существительного *frump*, тогда как признак «модная одежда» не обнаруживает себя в значении английских существительных. В русских словах данный признак, наоборот, является одним из основных при характеристике одежды лица женского пола (*модница, форсунья, франтиха*), тогда как сема «старомодная одежда» остается не эксплицированной. Интегральная сема «отношение к одежде» наиболее ярко проявляется в семантике русских существительных (*шмоточница, тряпичница, куколка, фифа*), тогда как в английском языке рассматриваемый признак реализуется лишь в коннотации у лексем *doll, dolly*. Различия также обнаружены в моделях восприятия в данных культурах. Так, в сознании носителей англоязычной культуры восприятие женской красоты определяется субъектом оценки, прежде всего в рамках гедонизма (способность получить удовольствие) и рационализма (сохранение безопасности), а в русском языковом сознании внешняя красота коррелирует с духовной красотой объекта оценки. В количественном отношении в английском языке отмечено больше слов, обозначающих «некрасивость, отсутствие привлекательности».

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Махмутова А.Н. Существительные со значением лица в произведениях А.С.Пушкина // А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. докл. междунар. науч. конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. - Казань: УНИПРЕСС, 1998. - С.121- 122.
2. Махмутова А.Н. Лингвосоциокультурологический анализ концептов *женщина* и *мужчина* // Язык и методика его преподавания: Материалы республиканской научной конференции. - Казань: Изд-во КГУ, 1999. - С.17- 18.
3. Махмутова А.Н. Лингвокультурологические особенности средств номинации и дескрипции концепта «женщина» в русском и английском языках // Ученые записки Казанского государственного университета. Т.140. Казань: Изд-во «ДАС», 2000. - С.84- 90.